

НИКИТА ФИЛАТОВ

Присяжный поверенный

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Ф51

Филатов Н.

Ф51 Присяжный поверенный : [роман] / Никита Филатов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 223 с. — (Серия «Пальмира — детектив»).

Сюжет нового исторического детектива Никиты Филатова основан на фактах подлинной биографии знаменитого русского адвоката Владимира Жданова.

**УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6**

© Филатов Н. А., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-517-02188-5

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

*Посвящается 150-летию российской адвокатуры,
светлой памяти тех, кто отважно,
профессионально и честно отстаивал
справедливость, руководствуясь Законом
и здравым смыслом*

Мужество — это когда заранее знаешь, что ты проиграл, и все-таки берешься за дело и наперекор всему на свете идешь до конца. Побеждаешь очень редко, но иногда все-таки побеждаешь... Только то, что мы были сметены за сто лет до того, как начали, еще не причина, чтобы не попытаться победить.

*Харпер Ли. Убить пересмешника**

* Пер. Н. Галь, Р. Облонской. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Пролог

Вологодская ссылка, 1902 год

Русское правительство не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе; вот почему Россия порождает столько революционеров; вот почему даже такой факт, как царевубийство, вызывает в огромной части населения радость и сочувствие!

*Из письма Исполкома «Народной воли»
императору Александру III*

Глубокой осенью на Русском Севере темнеет рано. Электрического освещения в Вологде еще не было, и потому на столе у начальника губернского жандармского управления уже который час горела керосиновая лампа. Мягкий свет этой лампы отражался в серебряном подстаканнике, в аксельбантах хозяина кабинета, в больших пуговицах и в погонах на кителе — а также в массивном, с орлами и пушками, приборе для письменных принадлежностей, который когда-то вручили ему сослуживцы при выходе из полка конной гвардии.

В те моменты, когда полковник Маньковский позволял себе откинуться на спинку кресла, пятно света выхватывало из полумрака парадный портрет Николая II, висевший напротив окна. Лицо у государя императора становилось при этом умное и усталое — такое, что даже могло показаться, будто давно уже он

ничего хорошего не ожидает ни от верноподданных своих, ни от собственного недалекого будущего.

Полковник придвинул к себе очередной лист бумаги, исписанный аккуратным, старательным почерком:

Согласно словесному приказанию, имею честь дополнительно донести вашему высокоблагородию о будто бы существующей колонии в г. Вологде неблагонадежных лиц.

В г. Вологде постоянно проживают 27 человек политических гласноподнадзорных, и 2 человека за студенческие беспорядки, и 26 человек политических негласноподнадзорных. Все эти лица имеют свой круг знакомств, но, согласно постоянного жандармского наблюдения, эти лица большими группами сборищ не делают и, как видно из разговора прислуги означенных лиц и официальных, чтений вредного направления против правительства не бывает.

А. Богданова в числе поднадзорных нет, а ранее состоявший под негласным надзором Дмитрий Семенов-Богданов (помощник управляющего государственными имуществами) и жена его Анна Богданова с разрешения губернатора читают по воскресным дням в публичной народной бесплатной читальне. Читальня учреждена обществом «Помощь» с разрешения министра, для наблюдения за чтением постоянно посылаются в читальню жандармские унтер-офицеры, но никогда не замечали чтения вредного направления.

Врач Александр Малиновский, дворянин Анатолий Луначарский и бывший студент Николай Бердяев в своих квартирах никаких противоправительственных чтений не читают, но нередко бывают

у негласноподнадзорного помощника присяжного поверенного Владимира Жданова, но и в квартире у названного лица никаких чтений вредного направления не замечали.

Вахмистр Калагастов

— Александр Григорьевич, это какой такой Жданов? Не тот ли, которого...

— Так точно, ваше высокоблагородие. Этот самый и есть.

В Вологодском губернском жандармском управлении к вахмистру Калагастову почти все обращались по имени и отчеству. Эта исключительная для нижних чинов привилегия принадлежала ему в силу почтенного возраста и такой продолжительной выслуги лет, что представить ее было решительно невозможно. Некоторые офицеры при случае позволяли себе даже интересоваться у Александра Григорьевича, не знал ли он лично кого-либо из наполеоновских grenadiers, оказавшихся в здешних краях после Отечественной войны. На шутки подобного рода старый вахмистр не обижался и отвечал, что плененных французов, конечно же, не застал, но вот ссыльных участников польского мятежа помнит великолепно. Самолюбивый, скажем, был народ, горячий, с гонором, однако заведенный порядок вещей уважал, понимал, кто есть власть и какие пределы кому дозволяются!

«Не то что в нынешние времена», — добавлял Калагастов обычно, приглаживая седые, расчесанные по сторонам бакенбарды, обрамлявшие его вечно красную, будто распаренную, физиономию.

— Да, прескверный тогда анекдот с этим Ждановым приключился, — вздохнул полковник.

Как известно, после того как его сиятельство граф Муравьев, исполнявший дела вологодского губернатора, запретил ссыльным лицам встречать и провожать на вокзале и пристани своих товарищей, чинами полиции был произведен ряд преследований по отношению к ослушникам этого распоряжения. А спустя еще некоторое время его сиятельство изволили посетить театральное представление. Все-таки не Петербург — развлечений не так уж много. Да и то сказать...

В антракте граф зашел в театральный буфет, где уже находился присяжный поверенный Жданов в компании двоих ссыльных, неких Бориса Савинкова и Павла Щеголева, и велел принести себе бутылку шампанского. Жданов в ответ попросил подать ему три бутылки шампанского. Его сиятельство усмотрел в этом некую демонстрацию и немедленно, в крайней степени раздражения, отправился напрямик из театра в Дворянский клуб.

Спектакль вскоре закончился, и в тот же клуб — вполне вероятно, и не рассчитывая вовсе опять столкнуться с его сиятельством, — направился присяжный поверенный Жданов. Как член этого клуба, он ввел в качестве гостей также обоих своих приятелей. Ссыльный Савинков пришел в бильярдную комнату и, видя, что стол уже занят, записал себя на доске кандидатом. В этот момент в бильярдную вернулся граф Муравьев, но, заметив там Савинкова, возмущенный, бросил игру. И направился в буфет клуба, где потребовал себе порцию наваги. Однако в буфете графу, как назло, сообщили, что последняя порция наваги отдана сидящему по соседству господину, который оказался... ссыльным Щеголевым. Тут его сиятельство окончательно убедил себя, что политические ссыльные между собой сговорились его всячески преследовать,